

Тарунина Н. В.

"ОБРАЗ ВРАГА" НА СТРАНИЦАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ РОССИИ (1914-1917 ГГ.)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/65.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 188-189. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Антинемецкие настроения в России имели достаточно длительную историю. Это было связано, с тем, что «русские немцы», существовавшие во всех сферах жизни российского общества были заметным фактором «чужой» культуры, участвовавшей в формировании русской национальной культуры и в развитии русской национальной мысли. Поиски национальной идентичности, осмысление представления о «русскости» шли в значительной мере через осмысления «немецкости», осмысления образа немца, через отталкивание от немецкого [Оболенская 1997: 103-104]. Начало войны с Германией 19 июля (1 августа) 1914 года привело к обострению шовинистических настроений, чуждая культура стала восприниматься враждебной.

Шовинистическая печать рассматривала войну как неизбежное расовое столкновение между «славянами» и «варварами», «крестовый поход православного русского народа на защиту Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви от издевательств и преследований воинствующих схизматиков» [Володимер 1914: 2]. Зверства германской армии в отношении мирного населения и военнопленных ассоциировались ведущим журналистом консервативной газеты «Новое время» (редактор М. Суворин) О. Меньшиковым, с действиями древних тевтонов, для которых «война была национальным ремеслом» [Меньшиков 1914: 3]. На основании этнического родства черты, присущие «образу внешнего врага» приписывались «врагу внутреннему» - российским немцам, а борьба с «немецким засильем» во всех сферах жизнедеятельности общества, стала рассматриваться как завершение многолетней колонизации России инородцами. Редактор исторического журнала «Русская старина» П. Воронов полагал, что война будет народной, так как «слишком долго терпела во всем матушка Русь иго немецкое» [Воронов 1914: 207]. Немецкие ученые, путешествующие по России, представлялись шпионами, пасторы – разрушителями духовного единства русского народа, немецкие колонии и общества – «рассадниками германизма», пытающимися «изнутри» приблизить победу их «Faterland» [Немцы в России 1914: 5].

В либеральной печати в ходе обсуждения проблемы национализма определились два направления. Одно, представленное П.Струве (журнал «Русская мысль») и поддерживавшими его прогрессистами, открыто защищало идеи национал-либерализма, при этом подчеркивалось, что война со стороны России носит «духовно-оборонительный характер». Философ Е. Трубецкой, определяя войну с Германией как войну против «узкого национализма», предостерегал от возможности вырождения отечественного патриотизма в «упоение собственным могуществом и величием», так как это «недостаток не немецкий только, а общечеловеческий» [Трубецкой 1914: 88-96]. Ректор Петроградского университета, видный историк Э. Гримм периодом духовного оскудения «врага» называл вторую половину XIX века, время Бисмарковского лозунга обращения к «крови и железу»: «Кульм силы и кулака никогда не может пройти даром для увлекающейся им нации. Незаметно он заражает и тех, кто по всему складу своего мировоззрения, казалось бы, далек от него. А когда он соединяется вдобавок с ненавистью и призывом к врагу, тогда создается страшный яд, отравляющий весь народный организм. Вот виднейший источник возмутительных зверств и издевательств, которыми современные немцы осквернили страну Гёте, Шиллера, Канта и Бетховен» [Гримм 1914: 90-91]. Редактор политического отдела журнала «Русская мысль» А. Изгоев в статье «На перевале» выразил свое критическое отношение к дискуссиям в правой прессе по поводу «немецкого вопроса». «Националистическая демагогия – писал он, - как и всякая другая, стремящаяся к уловлению массового читателя, играет на темных инстинктах толпы и блещет своею бессовестностью» [Изгоев 1914: 169].

Другое течение, кадетское, (газета «Речь», редактор П. Милуков), не создавало себя национал-либеральным и выступало против национализма в той форме, в какой его проповедовали П.Струве и прогрессисты, рассматривая нагнетание германофобии и немцефобии как «тягчайшее государственное преступление» [В губернских земствах 1914: 5]. В ответ газета партии прогрессистов «Утро России» (редактор П. Рябушинский) требовала от кадетов «стараться понять великий смысл» волны антинемецкого настроения «и не гасить его жижей плаксивых либеральных слез» [Дякин 1967: 58].

Журнал либерального народничества «Русское богатство» выступил против печатной пропаганды «образа врага», считая, что подобные публикации имеют целью «разжечь слепую жестокую вражду ко всему немецкому, вплоть до немецкого языка» [Мякотин 1914: 327].

Ведущий публицист журнала «Современник» (редактор меньшевик Н. Суханов) Е. Маевский с сожалением констатировал, что уродливый «противонародческий национализм» не исчез, сменив «позицию и одежду», «он обратился в антинемецкий» [Маевский 1914: 225].

Демонстрируя непримиримую враждебность к национализму и шовинизму, партия большевиков уклонилась от обсуждения проблемы немецкого влияния в России, ограничившись критикой партий, подавших патриотическому порыву. «Панславизм – писал В. Ленин, - при посредстве которого царская дипломатия не раз уже совершала свои грандиозные политические надувательства стал идеологией кадетов. Русский либерализм вырождается в национал-либерализм. Он состязается в «патриотизме» с черной сотней, всегда с охотой вотирует за милитаризм, маринизм» [Ленин 1969: 330].

Военные неудачи наших войск в апреле-мае 1915 года, повлияли на изменение в восприятие «образа врага». Шовинистические издания, пытаясь бороться с явлением духовного разочарования и пессимизма, охва-

тившего российское общество, только усилили нагнетание антинемецких настроений. В этом отношении весьма показательны названия статей: «Немецкая наглость», «Немецкая хула», «Мудрость змия», «Профессор В. О. Ключевский о немецком засилье», «Герцен о немецком засилье», «Подонки Германии» и др.

Актуальной оставалась проблема определения национальных черт «образа врага», решаемая путем сравнения культур германской расы и славянской. Консервативный журнал «Русская будущность» (редактор Б. Глинский) сопоставляя исторические характеры народов, отмечал: «Основными чертами характера германцев еще в начале христианства были: подлог, измена, хитрость, эгоизм, полное отсутствие чувств человеколюбия, цинизм низкий, часто звериный, уровень морали и разврат, доходящий до иступления, противоречащих природе» [Мирослав 1916: 26-27].

В изобразительной пропаганде применялся «образ безобразного немца», агрессивный и утрированный тип «зверя - немца», своеобразный вариант карикатурных изображений, подчеркивающих расовую природу конфликта. Примером может служить рисунок ведущего художника журнала «Нива» М. Кудрявцев «Култ тевтонской орды XX века» от 1916 года: немец-варвар стоит на пьедестале из человеческих костей, земной шар, окутанный цепями, горит в огне [Кудрявцев 1916: 3].

Либеральные издания прекращают опубликование материалов о «немецких зверствах». Вопрос о «воинствующем германизме» сменяется рассмотрением результатов, политики под названием «борьба с немецким засильем». Философ Н. Бердяев, под впечатлением антинемецкой кампании приходит к неутешительному выводу, что «истина легко может стать игрищем национально расовых страстей» и «все достижения германской мысли могут быть объявлены ложью только потому, что они германские» [Бердяев 1915: 117].

События февраля 1917 года внесли существенные коррективы в содержание и характер печатного материала. Вопросы о русском национализме, об «образе врага» и борьбы с «немецким засильем» уступают место проблемам, посвященным революции и деятельности временного правительства. Единственное, что оставалось «патриотической» печати - задаваться вопросом: «Где же твое гражданское чувство, где же та духовная связь с интересами родины, о, мирный и незлобивый российский обыватель - интеллигент? Знакомы ли тебе вообще слова – Россия, отечество, народ, патриотизм?» [Мансырев 1917: 5].

Список литературы

- Бердяев Н. К спорам о германской философии // Русская мысль. - 1915. - № 5.
В губернских земствах // Речь. - 1914. - № 348 (24 декабря).
Володимеров С. Борьба рас // Земщина. - 1914. - № 1730 (21 июля).
Воронов П. Заметки петроградского обывателя во время русско-немецкой войны // Русская старина. - 1914. - № 10-12.
Гримм Э. Пьяные илоты // Русская мысль. - 1914. - № 8-9.
Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). - Л., 1967.
Изгоев А. На перевале // Русская мысль. - 1914. - № 12.
Кудрявцев М. Култ тевтонской орды XX века // Нива. - 1916. - № 6.
Ленин В. Буржуазия и война // Полн. собр. соч. - 1969. - Т. 26.
Маевский Е. Новое вино в старых мехах // Современник. - 1914. - № 12.
Мансырев С. Сокровенная тайна или выведенное яйцо? // Русская будущность. - 1917. - № 13-14.
Меньшиков М. Должны победить // Новое время. - 1914. - № 13787 (31 июля).
Мирослав. Исторический характер немцев // Русская будущность. - 1916. - № 26-27.
Мякотин В. наброски современности // Русское богатство. - 1914. - № 9.
Немцы в России // Новое время. - 1914. - № 13779 (23 июля).
Оболенская С. В. Немцы в глазах русских XIX в.: черты общественной психологии // Вопросы истории. - 1997. - № 12.
Трубецкой Е. Война и мировая задача России // Русская мысль. - 1914. - № 12.

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПИРАТСТВЕ

Титов С. Н.

Ульяновский государственный университет

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит 3 статьи, предусматривающие ответственность за посягательства на интеллектуальную собственность: статью 146 «Нарушение авторских и смежных прав», статью 147 «Нарушение изобретательских и патентных прав» и статью 180 «Незаконное использование товарного знака».

Изменения законодательства и комментарии теоретиков и правоприменителей очень часто касаются объектов преступлений против интеллектуальной собственности. Общественные отношения, защищаемые данными статьями, т.е. **объекты** соответствующих преступных посягательств, различны.

Родовой объект преступления - это «объект, которым охватывается определенный круг однородных по своей экономической либо социально-политической сущности общественных отношений, которые в силу этого должны охраняться единым комплексом взаимосвязанных уголовно-правовых норм» [Иногамова-Хегай 2006]. Родовой объект преступлений, предусмотренных статьями 146 и 147 УК РФ, являются «общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование личности» [Иногамова-Хегай 2006].